

Даже за кадром сценаристы и режиссёры не ожидали, что эти участники окажутся такими откровенными.

Это шоу кардинально отличалось от обычных развлекательных программ — здесь не было ни сценариев, ни навязанных образов.

Говорили, что всё организовано по указке инвесторов, но рекламные вставки были скромными, а официальных спонсоров — почти не видно. До сих пор не было ни одной полноценной рекламной паузы.

К тому же прямой эфир не предполагает репетиций, да и формат «медленной жизни» настолько прост, что даже сценаристы не требовались.

Такие слова было трудно комментировать — в реальном времени чат заполнился исключительно восклицаниями и междометиями.

Люй Сичао уже решил, что Цзян Шулюй не ответит, как вдруг тот спросил:

— Почему именно брак «не стоит обсуждать»?

Люй Сичао приподнял бровь:

— Хочешь жениться?

«Что? Что?! Это то, о чём я думаю?»

«Неужели Цзян Шулюй хочет жениться на Тан Юэе? Это возобновление старых отношений или взаимная тайная любовь?»

Но Цзян Шулюй не успел ответить — раздался громкий стук, за которым последовал вскрик Тан Юэя: «А-а!»

Он резко повернулся и бросился к туалету.

Люй Сичао едва не получил локтём в плечо.

Пожав плечами, он взял тарелки и пошёл вниз мыть посуду, бросив Яо Лисиню, выглянувшему из двери:

— Раз уж свободен — подумай, что готовить завтра утром.

Яо Лисинь возмутился:

— Почему это именно я должен готовить?!

— Тогда вставай в пять утра и выводи собаку погулять, — невозмутимо парировал Люй Сичао.

— Какую собаку?

Люй Сичао кивнул подбородком в сторону двора — в этот момент дверь распахнулась, и внутрь вошёл дедушка с чёрным лабрадором.

— Собака хозяина дома. Она даже в море ходит с ним. В любом случае — гулять надо.

— Разве не слишком рано? — засомневался Яо Лисинь.

— Ну тогда... — начал Люй Сичао.

— Ладно, договорились! — перебил его Яо Лисинь.

«Ты снова пришёл устраивать хаос!»

«У этих двоих отличное взаимопонимание.»

Тем временем двое других ничего не знали о происходящем. Цзян Шулюй дошёл до самого конца коридора и обнаружил, что Тан Юэй снова умывается.

Когда Цзян Шулюй вошёл, Тан Юэй вздрогнул, резко поднял голову из воды и машинально выключил кран.

Его прекрасное лицо было покрыто каплями, взгляд — затуманенный. Цзян Шулюй инстинктивно закрыл за собой дверь.

Тан Юэй несколько минут обливал себя холодной водой, но всё равно не мог избавиться от жара в ушах, от учащённого сердцебиения и странного, незнакомого желания.

Неужели всё настолько серьёзно?

За последние годы он не раз сам себе помогал — жил в целом воздержанно, иногда думал о Цзян Шулюе, чтобы облегчить напряжение.

Но никогда не испытывал такого жгучего чувства, будто внутри горит огонь. Глаза покраснели, а лицо, несмотря на холодную воду, оставалось раскалённым, будто его только что вынесли из парилки.

— Я услышал стук, — сказал Цзян Шулюй.

— А?.. — Тан Юэй замялся. — Ударился головой о стену. Раковина слишком низкая.

Туалет не был разделён на сухую и мокрую зоны — лишь простая занавеска для душа. Видно, что продюсеры немного переделали помещение, а все принадлежности — от спонсоров.

Всё выглядело аккуратно и чисто.

Хотя в углу стоял освежитель воздуха с цитрусовым ароматом, Тан Юэй отчётливо чувствовал запах Цзян Шулюя.

Он снова взглянул на него.

Мокрая чёлка послушно лежала на лбу.

Капли стекали по прядям, падали при каждом моргании — как слёзы. Этот образ пробудил в Цзян Шулюе воспоминания, которые он считал сном: Тан Юэй тоже плакал, кусался, крепко обнимал — и не отпускал.

Будто Цзян Шулюй был единственным спасательным кругом в его бурном море отчаяния.

Никто не помнил, кто начал первым. Когда Тан Юэй опомнился, его губы уже прижались к губам Цзян Шулюя.

Он крепко обхватил шею партнёра, а Цзян Шулюй — его талию. Они целовались снова и снова, не в силах остановиться.

Кран Тан Юэй уже выключил, но где-то внизу подтекал кран — хозяин поставил под него маленькую миску.

Капля. Ещё одна. Их дыхание сливалось в одно.

За окном дул сильный ветер, сотрясая жалюзи. Занавеска колыхалась, и их обнимающиеся силуэты казались единым целым.

Все звуки растворились — остались только жажда, накопленная годами, и томление, рождённое разлукой.

— Я... не могу... дышать... — прошептал Тан Юэй.

Он прикусил губу, взглянул на Цзян Шулюя и потянулся погладить его лицо.

Цзян Шулюй закрыл глаза, когда ладонь Тан Юэя коснулась его щеки, — и тот снова потянулся к нему за поцелуем.

— Так сильно хочется целовать? — спросил Цзян Шулюй.

Тан Юэй кивнул.

Цзян Шулюй не ожидал, что после откровенного разговора Тан Юэй станет таким страстным — совсем не похожим на того, кем был раньше.

Но теперь он не дал поцеловать себя, зажав губы Тан Юэя пальцами, превратив их в «уточку».

— А раньше... думал об этом?

Тан Юэй отодвинул его руку:

— Не скажу.

Он говорил решительно, но тело оставалось в объятиях Цзян Шулюя, голос — твёрдым, а губы — мягкими.

Ещё один поцелуй в уголок рта — Тан Юэй потянулся навстречу, но Цзян Шулюй уклонился.

— Думал?

— Думал! Думал, хорошо?! — чуть раздражённо ответил Тан Юэй.

Его голос звучал прекрасно — в гневе, в ласке, даже сейчас, с ноткой надменности.

От этого Цзян Шулюю стало тепло на душе, и он крепче прижал Тан Юэя к себе:

— Тогда почему раньше не целовал?

— Я же столько раз говорил! — Тан Юэй опустил глаза. — Думал, ты меня не полюбишь... Просто мечтал.

Цзян Шулюй всегда удивлялся, откуда у Тан Юэя такая уверенность — будто он знает нечто, чего не знает сам Цзян Шулюй. Иногда Тан Юэй выглядел так, будто он — временный гость, подарок из другого мира, который исчезнет, как только истечёт отведённое время.

Возможно, благодаря пяти годам разлуки Цзян Шулюй больше не спешил требовать ответов.

Ему просто срочно нужна была близость.

Иначе его и без того шаткое равновесие могло окончательно рухнуть. Никто не знал, что ещё немного — и он, возможно, не выдержал бы.

Молчание Цзян Шулюя затянулось, и Тан Юэй решил, что тот снова обиделся из-за его убеждения, что Цзян Шулюй и Люй Сичао пара. Он выглянул из объятий, чтобы заговорить, но Цзян Шулюй окликнул его:

— Тан Юэй.

— Да?

— Я забыл выключить микрофон.

Тан Юэй остолбенел. Казалось, он вот-вот упадёт в обморок. Дрожащей рукой он потянулся к микрофону на воротнике Цзян Шулюя...

Но тот был выключен.

Цзян Шулюй широко улыбнулся:

— Обманул тебя.

Тан Юэй, переживший эмоциональные американские горки, рассердился и замахнулся, чтобы ударить его, но Цзян Шулюй снова притянул его к себе.

— Ты ведь постоянно считаешь, что я и Люй Сичао пара. Мне так обидно!

Цзян Шулюй из семьи Цзян никогда бы не позволил себе таких слов. Воспитание требовало сдержанности и достоинства. Даже став участником бойз-бэнда — что само по себе считалось позором для семьи — он принял условия: быть капитаном, быть лучшим, быть безупречным.

Он следовал идеалу совершенства, поэтому у него было множество фанатов, но некоторые говорили, что он «как кукла — слишком искусственный».

Именно эта новая, живая сторона Цзян Шулюя, отличающаяся от прежнего одинокого человека, молча курившего в ночи, вызывала у Тан Юэя любопытство.

Ему хотелось узнать: какие ещё лица скрывает капитан?

Но Цзян Шулюй говорил правду, и Тан Юэй не мог возразить. Он лишь тихо кивнул.

Потом провёл ладонью по волосам Цзян Шулюя:

— Прости. Больше не буду.

— Не волнуйся, — мягко сказал Цзян Шулюй, слегка наклоняя голову, чтобы Тан Юэю было удобнее гладить его, но при этом крепко обнимая за талию. — Я всё спрячу. Чтобы Сяо Юэю было спокойно.

Тан Юэй не сразу понял.

— Я не буду ставить тебя в неловкое положение. Никто не узнает о наших отношениях.

Его тон был невероятно заботливым:

— Буду твоим тайным любовником.

Тан Юэй моргнул. Что-то здесь не так.

Он не собирался афишировать отношения, но ведь они же договорились просто встречаться? Откуда взялись «тайные любовники»?

Звучит так, будто Цзян Шулюй страдает.

— Значит, вечером расскажешь мне про свою сестру? — сменил тему Цзян Шулюй.

Тан Юэй кивнул.

Оба прошли через бойз-бэнд. Хотя Цзян Шулюй и уступал Люй Сичао в умении «работать на камеру», он знал, с какого ракурса выглядит лучше всего.

Раньше Тан Юэй часто ловил себя на том, как смотрит на него в задумчивости.

Даже при плохом освещении и не самом подходящем месте он всё ещё размышлял о «тайных отношениях» — и кивал, будто на автопилоте.

— Можно не менять комнаты? — спросил Цзян Шулюй.

Тан Юэй кивнул.

— Можно каждый вечер целовать на ночь?

Тан Юэй снова кивнул.

Подожди... *каждый* вечер?

Ему показалось, что его загнали в ловушку. Но ведь поцелуй на ночь — не такое уж требование! Он уже открыл рот, чтобы что-то сказать, но Цзян Шулюй уже вышел, бросив на прощание:

— Пойду посмотрю на Сяо Мье. Потом пойдём на берег — поищем волнорезы.

Тан Юэй нахмурился:

«Чувствую, что-то не так...»

Он даже не заметил, сколько времени провёл в туалете.

Но зрители в прямом эфире сошли с ума.

Ведь они слышали звуки поцелуев — пусть и лёгкие, но смешанные с дыханием, что рождало самые смелые фантазии.

«Вышли!! Вышли!!»

«Что там так долго происходило?! Почему нет камеры в туалете?! Цзян Шулюй — серийный нарушитель!»

«Почему я с таким наслаждением смотрю такие сцены? Плачу!»

«Поцеловались, точно! Это не галлюцинация — в обсуждениях уже видео выложили!»

«Потом точно выключили микрофон. Сейчас Цзян Шулюй выходит такой довольный — никогда раньше не видел его таким счастливым... Кто понимает? Раньше он был “цветком на вершине горы”, а теперь??»

«У Тан Юэя мокрая чёлка... Значит...»

«Сколько они там были?! Считайте!»

Тан Юэй вернулся в комнату и высушил чёлку феном.

Когда он вышел, внизу его уже ждали Яо Лисинь и Цзян Шулюй — каждый держал за руку ребёнка.

Тан Мянью, держась за ладонь Цзян Шулюя, радостно замахал:

— Папа! Здесь есть те самые волнорезы, как на твоих фото?

Дома было много фотографий, и Тан Мянью знал их наизусть.

Пятилетний ребёнок обладал феноменальной памятью — почти фотографической.

Но даже самый одарённый малыш остаётся малышом: завидев отца, он бросился к нему с визгом.

Яо Лисинь удивился:

— Ты когда-то фотографировал волнорезы?

По его воспоминаниям, Тан Юэй всегда выезжал только с командой — личных поездок не было.

— Во время съёмок островного спецвыпуска, — пояснил Тан Юэй.

— Фото было такое красивое! Я тоже хочу сфоткаться! — воскликнул Тан Мянью.

На улице было прохладно, и Тан Юэй надел пальто цвета дымчато-голубого, с меховой отделкой на капюшоне. Он выглядел особенно мягким.

Его губы были неестественно красными, но сам он этого не замечал и улыбался:

— Это плёнка.

— Ты её привёз? — спросил Яо Лисинь.

— Да, — кивнул Тан Юэй.

Ребёнок громко добавил:

— Мы с папой каждый год делаем кучу фотографий!

— Стал отцом — и вдруг полюбил фотографировать? Раньше ты так не делал, — заметил Яо Лисинь.

Тан Юэй не ответил — его уже утянул за руку Тан Мянью.

Но Цзян Шулюй всё это время смотрел на Тан Юэя. Ему казалось, что в каждом движении Тан Юэя — желание оставить след.

Почему?

Неужели он собирается уехать?

Но куда?

Компания его сводной сестры перевела штаб-квартиру в город S. Если Тан Юэй просто хочет уехать за границу — откуда тогда это чувство обречённости?

На берегу было ещё холоднее, но для Тан Мянью, впервые увидевшего море, это было счастье.

Издали он напоминал маленький мячик, скачущий по песку.

Яо Сюаньюй сначала считал такое поведение неприличным, но Тан Мянью светился, как солнышко, и легко заражал других. Даже самые «крутые» дети не могли устоять и тоже начали бегать и смеяться.

Один раз упал в песок — и залился смехом.

Яо Лисиня перед выходом позвал Люй Сичао, поэтому дети остались с Тан Юэем и Цзян Шулюем. В□□ они выглядели как настоящая семья.

«Семья с двумя детьми.»

«Сяо Мье такой милый! Как Тан Юэй вообще смог родить такого ребёнка?»

«Даже с моим фандомским мозгом я не верю, что Цзян Шулюй способен на такое.»

У берега было шумно — волны накатывали одна за другой.

Прямой эфир превратился в медитативный пейзаж: Тан Юэй и Цзян Шулюй шли рядом, а Тан Мянью уже нашёл волнорезы и махал им.

Тан Юэй смотрел вниз, но вдруг взглянул на Цзян Шулюя — и поймал его взгляд.

— Капитан, зачем ты всё время на меня смотришь?

— Потому что ты красив, — ответил Цзян Шулюй.

— А?.. Все же знают, что ты самый красивый! В голосованиях всегда...

Цзян Шулюй покачал головой:

— В первый раз, когда я тебя увидел...

Он улыбнулся и продолжил медленно идти:

— Мне сразу показалось, что ты красив.

В первый раз.

Но Тан Юэй, как всегда, не понял намёка:

— Ты имеешь в виду моё фото в анкете?

Цзян Шулюй сдался.

Вздыхнув, он услышал, как Тан Мянью зовёт:

— Папа! Быстрее!

Цзян Шулюй схватил Тан Юэя за руку и побежал, и его слова, смешавшись с ветром и шумом прибоя, долетели до ушей Тан Юэя:

— В палате. Ты как раз открыл глаза.

Цзян Шулюй давно понял: Тан Юэй□□ умеет убегать от романтики.

Как сейчас.

— Тогда я был ужасен, — пробормотал Тан Юэй.

Цзян Шулюй не выдержал:

— Ты что, глупец?

Неудивительно, что при первой же проблеме он бежит.

Но тот, кто любит глупца и позволяет ему убежать, — тоже беспомощен.

Цзян Шулюй снова улыбнулся.

— Ты меня обозвал! — обиженно сказал Тан Юэй и вырвал руку, побежав вперёд.

Но Цзян Шулюй быстро догнал его, подхватил на спину и понёс к Тан Мянью.

Ребёнок в восторге завизжал.

В чате зрители писали: «Ого!», «Круто!», «Как он вообще смог его поднять?!»

Тан Юэй не злился. Он и сам знал, что глупец.

Глупый мусор с планеты 9787, никому не нужный «маленький кувшинчик».

Но теперь всё изменилось. Его носят на спине, целуют, обнимают.

У него есть собственный ребёнок.

Он потерялся подбородком о ухо Цзян Шулюя и тихо прошептал:

— Капитан... Мне вдруг стало так счастливо.

— Тогда что ты сделаешь? — спросил Цзян Шулюй.

Тан Юэй натянул капюшон и тайком укусил его за ухо.

****«Эфирное время Тан Дайюэя»****

Тан Дайюэю было мучительно трудно учить универсальный язык галактики,

но, к счастью, он мог притвориться, что потерял память.

Однако, работая няней, он не знал, что за ним закрепилось прозвище —

пока босс не прислал сообщение: «Слышал, теперь тебя зовут “Тан Безмолоко”?»»

Тан Дайюэй тут же заблокировал босса.

«Разве сложно понять, что потеря репродуктивной функции из-за столкновения планет — это трагедия?»

Через несколько часов он сам написал боссу:

«Есть ли сборник грязных слов на универсальном языке? Хочу выучить.»

Босс ответил: «Разве ты не оскорбляешь всех своим лицом каждый день?»

Тан Дайюэй снова его заблокировал.

<http://bllate.org/book/16057/1502212>